

Жанр и композиция

Романтизм, реализм, народность и художественность поэмы

Поэма «Цыганы» была написана Пушкиным в годы ссылки (начата в декабре 1823, окончена в октябре 1824), в период роста оппозиционных настроений. Отражением их в литературе был байронизм, который в условиях того времени многими воспринимался как прямой протест против феодально-крепостнического режима. Отсюда вполне закономерное обращение автора «Деревни» к жанру романтической поэмы, форму которой он заимствовал у Байрона.

Каковы же особенности нового жанра, зачинателем которого в русской литературе становится Пушкин?

В героической эпосе предметом изображения являлись события большой исторической и национальной значимости. В соответствии с этим сюжет такого рода произведений богат многочисленными ответвлениями, обилием действующих лиц и эпизодов. В противоположность этому сюжет романтической поэмы отличается новеллистическим характером. Предметом изображения является одно какое-либо событие из жизни одного лица, отнюдь не исторического или героического. Чаще всего таким событием в жизни этого лица является любовь. Количество персонажей в романтической поэме немногочисленно. В большинстве случаев все повествование построено вокруг взаимоотношений трех действующих лиц: 1) герой; 2) возлюбленная героя; 3) соперник героя. Действие романтической поэмы разворачивается обычно в экзотической обстановке. В центре произведения стоит герой, душевные переживания и действия которого являются главным предметом художественного внимания автора. Различные фабульные моменты и отдельные эпизоды служат главным образом для отражения, раскрытия внутреннего мира главного героя, его душевного конфликта. Самое развитие событий выдержано в духе одной более или менее стандартной сюжетной схемы. Взаимная любовь героя и героини находит препятствие в третьем лице. Вырастающий на этой почве конфликт разрешается трагической гибелью героини, а иногда и героя или его антагониста. Эта сюжетная схема по-разному варьируется в различных произведениях, в каждом конкретном случае, но сюжетный костяк остается в основном неизменным.

Построение сюжета в поэме «Цыганы» выдержано в духе указанных выше принципов. Предметом изображения в поэме является любовь Алеко и Земфиры. Количество персонажей в ней очень немногочисленно — их всего четыре: Алеко, Земфира, молодой цыган, старик. Налицо типичное для романтической поэмы трио: герой — Алеко, его возлюбленная — Земфира, их антагонист — молодой цыган. Действие поэмы разворачивается в экзотической обстановке цыганского табора. В центре художественного внимания автора стоит Алеко, его душевные переживания и действия. Алеко становится причиной гибели Земфиры и ее возлюбленного — молодого цыгана.

В соответствии с художественным замыслом романтической поэмы и с характером ее сюжета Пушкин использует особое ее построение.

Здесь вместо последовательного развития действия в соответствии с тем, как это было бы в реальной действительности, автор сразу вводит нас в середину действия. Так, в «Цыганах» реальная последовательность событий представляется в следующих этапах: 1. Жизнь Алеко в городе. 2. Его «добровольное изгнание». 3. Земфира приводит Алеко к отцу, и он остается жить с ней и ее отцом. 4. Алеко становится известно об измене Земфиры. 5. Алеко убивает Земфиру и ее возлюбленного. 6. Цыганы уходят от Алеко.

Однако в поэме Пушкин сразу, внезапно вводит читателя в самую середину действия. «Цыганы» начинаются с этапа 3. Это позволяет автору сразу же создать напряжен-

ную драматическую ситуацию. Все предшествующее сцене привода Земфирой Алеко дается задним числом в биографической реминисценции от автора:

Подобно птичке беззаботной
И он, изгнанник перелетный,
Гнезда надежного не знал
И ни к чему не привыкал.
Ему везде была дорога...

Другой особенностью «Цыган» как романтической поэмы является следующая. Вместо последовательного, равномерного развития всех звеньев сюжетной цепи Пушкин разрывает ее на отдельные части, которые образуют самостоятельные драматические картины. Такой самостоятельной драматической картиной является, например, ночная сцена, в которой Алеко убеждается окончательно в измене Земфиры. Драматической вершиной здесь является убийство Алеко Земфиры и молодого цыгана. Опуская отдельные промежуточные звенья, Пушкин концентрирует главное внимание на наиболее эффектных драматических ситуациях, что придает композиции поэмы характер отрывочности. Так, между сценой привода в табор Алеко и моментом, когда разлюбившая его Земфира изменяет ему, прошел значительный промежуток времени. Пушкин не дает художественного воплощения этому периоду жизни своего героя, ограничиваясь сухой и краткой констатацией: «Прошло два лета». Таким образом построены и остальные части поэмы. Отдельные драматические отрывки, из которых каждый имеет свою кульминацию, объединены композиционно краткими соединительными звеньями в повествовательной форме и общим лирическим тоном поэмы.

Уже отмечалось, что одной из композиционных особенностей «Цыган» является внезапный зачин, немедленный ввод с самого начала в середину действия. Этому зачину в «Цыганах» предшествует лирическое вступление, некая поэтическая увертюра, что создает как бы художественный фон, декорацию:

Цыганы шумною толпой
По Бессарабии кочуют.
Они сегодня над рекой
В шатрах изодранных ночуют.

Композиционная функция этого вступления — не только ввести в обстановку действия, но и создать определенное настроение.

В соответствии с уже отмечавшимся внезапным вводом в середину действия, в конце поэмы наблюдается и внезапный обрыв сюжета, его недосказанность. После того как Алеко убил Земфиру, его дальнейшая судьба остается неизвестной. Однако поэма не заканчивается на моменте убийства Земфиры. Как в начале поэмы внезапному вводу в середину действия предшествует лирическая увертюра, так и здесь за внезапно оборванным сюжетом Пушкин помещает лирически окрашенную картину-сравнение, развернутый образ, который должен отзвучать как бы последним аккордом к драме романтического героя и вместе с тем послужить туманно-романтическим намеком на его дальнейшую судьбу.

...Лишь одна телега,
Убогим крытая ковром,
Стояла в поле роковом.
Так иногда перед зимою,
Туманной, утренней порою,
Когда подымется с полей
Станица поздних журавлей
И с криком вдаль на юг несется,
Пронзенный гибельным свинцом
Один печально остается,
Повиснув раненым крылом.

Настала ночь; в телеге темной
Огня никто не разложил,
Никто под крышею подъемной
До утра сном не опочил.

В «Цыганах», как почти во всех остальных «южных поэмах» Пушкина, отмечается наличие особого эпилога, который образует самостоятельную заключительную главу поэмы. Композиционная функция эпилога в «Цыганах» примыкает по своему характеру к роли лирических отступлений, однако с некоторой весьма существенной разницей.

Как и в лирических отступлениях, в эпилоге Пушкин непосредственно выражает свое отношение к различным явлениям действительности, предается воспоминаниям, выступает с оценками политического порядка. Но все эти высказывания носят обобщающий характер. Эпилог в «Цыганах» состоит из двух частей, границы которых четко обозначены самим Пушкиным.

В первой части наряду с биографическими воспоминаниями поэта, связанными непосредственно с сюжетом и указывающими на источники, впечатления, приведшие его к данной теме, находятся и высказывания историко-политического порядка:

В стране, где долго, долго брани
Ужасный гул не умолкал,
Где повелительные грани
Стамбулу русский указал,
Где старый наш орел двуглавый
Еще шумит минувшей славой...

Эти высказывания, которые являются чужеродными в романтической поэме, свидетельствуют о том, что здесь уже проявились исторические интересы Пушкина, которые потом займут такое значительное место в его творчестве, получив художественное выражение в целом ряде произведений («Борис Годунов», «Полтава», «Медный всадник», «Капитанская дочка»).

Вторая часть эпилога как бы подводит краткий, но полный глубочайшего смысла итог всей поэме.

Но счастья нет и между вами,
Природы бедные сыны!
И под изданными шатрами
Живут мучительные сны,
И ваши сени кочевые
В пустынях не спаслись от бед,
И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет.

Эти строки, которые являются, по существу, формой авторского суда над своими героями, не понравились Белинскому, который считал, что они находятся «в явном противоречии» со всем «смыслом» поэмы:

«Главное, – писал Белинский, – поэту следовало бы в заключительных стихах сосредоточить мысль всей поэмы, так энергически выраженной стихом: “Ты для себя лишь хочешь воли...”» Таким образом, Белинский рассматривал композиционное значение этой части эпилога как авторский суд над своими героями, отмечая лишь как недостаток то, что Пушкин в соответствии со всем смыслом поэмы не сосредоточил свое внимание на развенчивании главного героя поэмы — Алеко.

Одной из значительных особенностей пушкинской романтической поэмы являются драматические элементы. Романтический поэт стремится изобразить действительность, ее явления не внешне, не описательно, а дать их как переживание героя, изнутри. Элементы драматического диалога можно наблюдать уже в «Кавказском пленнике» и в «Бахчисарайском фонтане». Однако наиболее законченной формы достигает драматизация повествования в «Цыганах». Здесь они становятся господствующей формой повествования. Пушкин

вводит драматические формы в чистом виде, в ряде случаев давая даже ремарки: *вонзает в него нож, уходит и поет: Старый муж и проч., поражает ее.*

Как уже отмечалось, одной из композиционных особенностей романтической поэмы является наличие в ней одного центрального персонажа, вокруг которого сосредоточено все действие. Обычно этот романтический герой представлен как бунтарь, изгнанник, резко противопоставленный окружающему его обществу.

Такая же трактовка романтического героя наблюдается в «Цыганах». Алеко резко противопоставлен как той среде, из которой он пришел, так и той среде, в которую пришел. Алеко — законченный индивидуалист. Он «для себя лишь хочет воли». Замечательно, что Пушкин едва ли не один из первых еще на заре развития в России капитализма гениальным чутьем уловил и отобразил в творчестве одно из типичных для последнего противоречий — противоречие между личностью и обществом и вырастающее на этой почве индивидуалистическое мировосприятие. Потом такая противопоставленность личности обществу пройдет длинной вереницей персонажей через всю русскую дворянско-буржуазную и буржуазную литературу, дав целую галерею «лишних людей», отщепенцев, утерявших контакт с действительностью.

Алеко — изгой. Его отщепенство дано в приводившейся выше биографической характеристике («И он, изгнанник перелетный, гнезда надежного не знал...»). Еще полнее это выражено в характеристике, даваемой Алеко обществу:

О чем жалеть? Когда б ты знала.
Когда бы ты воображала
Неволю душных городов!
Там люди в кучах, за оградой,
Не дышат утренней прохладой,
Ни вешним запахом лугов;
Любви стыдятся, мысли гонят,
Торгуют волею своей,
Главы пред идолами клонят
И просят денег да цепей.

Алеко не таков, как остальные обитатели «душных городов». Он бунтарь, человек сильных страстей («Но, Боже, как играли страсти его послушною душой...»).

С романтической трактовкой центрального персонажа связаны и особые приемы построения его характера.

Как во всякой романтической поэме, в «Цыганах» происхождение героя почти неизвестно.

Автор романтической поэмы обычно ограничивается самыми общими, туманными намеками на его прошлое. Об Алеко известно только то, что он «рожден среди богатого народа», «к неге приучен», «его преследует закон» и в цыганский табор он пришел «делить любовь, досуг и добровольное изгнание».

Романтической полумглой поэт окутывает не только прошлое, но и будущее героя. О его дальнейшей судьбе можно только догадываться по неясным намекам.

Таким образом, в центре внимания автора оказывается лишь один, зато наиболее красочный эпизод из жизни героя. В соответствии с этим в характере Алеко выделяется лишь одна черта — страстность, порывистость его природы. Другие черты его характера не раскрыты. Он ни в чем не похож на обычных людей, его окружает атмосфера загадочности, необычности.

Такая неопределенность и односторонность в построении характера героя является типичной для романтической поэмы и объясняется надуманностью, нереальностью самого персонажа, конструируемого поэтом абстрактно-логическим путем. Это находит подтверждение также в том, что поэт не заботится даже о подыскании имени для своего героя. В романтической поэме это несущественно. В «Цыганах» Алеко часто называется

«юношей». Другие персонажи совсем не названы по имени. Таковы «старик», «молодой цыган».

Обычно в романтической поэме уделяется большое внимание описанию внешности героя. При этом черты лица героя существенны не сами по себе, а как выражение тех мощных страстей, которые являются преобладающим моментом в характере героя. Портрет героя составляется в этом случае из ряда элементов, являющихся типичными для данного жанра. Такими элементами можно считать подчеркнутую экспрессивность взгляда, меняющийся цвет лица, особую подчеркнутость позы и жеста, рассчитанных на сильный эффект.

Обращаясь к «Цыганам», мы видим, что при всей скупости внешней характеристики персонажей, отдельные черты портрета героя даются в духе романтической поэтики. Так, в начале поэмы подчеркивается унылый взгляд Алеко («Уныло юноша глядел»); затем, когда Алеко начинает подозревать об измене Земфиры, в его лице подчеркивается выражение, внушающее окружающим страх («О, мой отец, Алеко страшен...», далее: «ты меня страшил: ты сонный скрежетал зубами» и, наконец, после убийства Земфиры и молодого цыгана: «убийца страшен был лицом...»). О внешности Земфиры почти ничего не известно; лишь в одном месте поэт мимоходом роняет указание на то, что она черноокая («с ним черноокая Земфира»).

В типично романтическом стиле выдержана эффектная поза Алеко, пораженного отчаянием после убийства Земфиры и молодого цыгана:

Алеко за холмом,
С ножом в руках, окровавленный,
Сидел на камне гробовом.
Два трупа перед ним лежали;
Убийца страшен был лицом;
Цыганы робко окружали
Его встревоженной толпой...

Традициям романтической поэтики, которая исключает возможность индивидуализации языка персонажей, Пушкин следовал и в языке поэмы. Персонажи здесь говорят одинаковым условно-поэтическим языком, то есть языком самого автора. Так, старый цыган обращается к Алеко и Земфире с такими словами: «Покиньте, дети, ложе неги». Цыганка Земфира обращается к Алеко: «Не верь лукавым сновиденьям». Или: «Скажи, мой друг, ты не жалеешь о том, что бросил навсегда?» Совершенно очевидно, что этот язык не имеет ничего общего с реальным языком кочевников-цыган.

Одной из специфических особенностей романтической поэмы является лирическая манера повествования. В противоположность эпическому спокойствию, объективному тону повествования в классической поэме, повествование романтической поэмы никогда не носит объективного характера. Чувства и переживания действующих лиц очень часто являются чувствами самого поэта, которые выражаются с особой напряженностью и экспрессивностью. Очень часто рядом с голосом действующего лица раздается голос самого поэта, то взволнованный, то грустный, то ироничный, то серьезно-озабоченный, но никогда не безучастно-спокойный.

В «Цыганах» эмоциональная заинтересованность поэта в судьбе своего героя находит свое выражение в самых различных формах. Иногда это короткий вопрос, иногда неожиданное восклицание, иногда более пространное обращение к своему герою, или лирическое отступление, в котором поэт выступает непосредственно от своего имени, высказывая те или иные оценки или предаваясь собственным воспоминаниям и размышлениям.

Примером эмоциональной заинтересованности автора в судьбе своего героя может служить вопрос в повествовательном отрывке, предшествующем сцене убийства:

Дрожат уста, дрожат колени,
Идет... и вдруг... иль это сон?
Вдруг видит близкие две тени...

Иногда эта эмоциональная заинтересованность рассказчика в судьбах героя достигает такой силы, что характеристика последнего разворачивается в форме ряда лирических воспоминаний и вопросов:

Но Боже, как играли страсти
Его послушною душой!
С каким волнением кипели
В его измученной груди!
Давно ль, надолго ль усмирили?
Они проснутся: погоди.

Лирическим отступлением является в «Цыганах» эпилог, где Пушкин выступает непосредственно от своего имени:

Но счастья нет и между вами,
Природы бедные сыны!
И под изданными шатрами
Живут мучительные сны,
И ваши сени кочевые
В пустынях не спаслись от бед,
И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет.

Однако для «Цыган» более характерна форма лирических отступлений, вложенных в уста одного из действующих лиц. Так, в уста старого цыгана вкладывается ряд лирических сентенций:

Ах, быстро молодость моя
Звездой падучею мелькнула!
Но ты, пора любви, минула
Еще быстрее...

Или:

...вольнее птицы младость.
Кто в силах удержать любовь?
Чредою всем дается радость;
Что было, то не будет вновь.

Одной из форм лирической манеры повествования в романтической поэме является прием синтаксического параллелизма. Это находит выражение в различных лирических повторениях и анафорических конструкциях. Как пример подобной лирической конструкции, может быть приведен рассказ Земфиры, когда она впервые приводит Алеко в табор:

«Его в пустыне я нашла
И в табор на ночь зазвала.
Он хочет быть, как мы, цыганом;
Его преследует закон,
Но я ему подругой буду.
Его зовут Алеко...»

Или в словах Алеко к Земфире:

...А девы... Как ты лучше их
И без нарядов дорогих,
Без жемчугов, без ожерелий!

Однако и в произведениях романтического периода творчества Пушкина мы находим элементы, свидетельствующие о непрерывном росте пушкинского реализма. Прежде всего, надо отметить в «Цыганах» глубоко реалистическую оценку современной Пушкину действительности, переживавшей усиленный процесс развития капитализма.

Только наблюдательность гениального реалиста могла в то время подсказать поэту изумительно меткую и исчерпывающую, при всей ее пушкинской краткости, характеристику начинавшей складываться действительности, отрицательные черты которой столь верно уловлены Пушкиным в период, когда они еще не успели обнаружиться во всей полноте, чтобы стать заметными для простого глаза. В этом плане пушкинская характеристика «неволи душных городов», где «люди в кучах, за оградой» «торгуют волею своей» «и просят денег да цепей», может считаться классической.

Более частными проявлениями реализма в «Цыганах» можно считать наличие элементов цыганского фольклора, а также чисто повествовательных элементов. Так, Пушкин вводит в поэму цыганскую народную песню «Старый муж, грозный муж...» Что касается введения Пушкиным в романтическую поэму повествовательных элементов, приближающихся к рассказу в стихах, то наиболее показательным в этом плане представляется законченный отрывок «Прошло два лета...». В этом отрывке в зародышевой форме даны элементы, которые, получив развитие в дальнейшем творчестве Пушкина, приведут его к повести в стихах («Граф Нулин»), к роману в стихах («Евгений Онегин»), а затем и к доподлинной прозе («Арап Петра Великого», «Повести Белкина» и т. д.).

Одной из самых замечательных особенностей Пушкина, обеспечивших ему главенствующее положение в истории русской литературы, является народный характер его творчества.

Уже в первых своих крупных произведениях, относящихся к периоду, когда реализм еще не одержал окончательной победы в его творчестве, Пушкин выступает как народный поэт, которому впервые выпало на долю не только оценить по достоинству значение народного творчества, но и первому почерпнуть из этой неиссякаемой сокровищницы материал для своих произведений.

Горький по этому поводу замечает:

«Прежде всего, Пушкин был первым русским писателем, который обратил внимание на народное творчество и ввел его в литературу, не искажая в угоду государственной идее “народности” — лицемерным тенденциям придворных поэтов, он украсил народную песню и сказку блеском своего таланта, но оставил неизменными их смысл и силу».

Характер отображения окружавшей поэта действительности, которая дается в «Цыганах» в плане резкой критики, своеобразная трактовка центрального персонажа поэмы Алеко — этого романтического героя, данного во многом в реалистическом плане, и, наконец, использование элементов цыганского фольклора — все это свидетельствует о том, что Пушкин уже прочно встал на путь, в дальнейшем приведший его к роли выразителя всех чувств и дум народа.

При изучении пушкинского творчества во весь рост встает фигура писателя-новатора, смело ломающего обветшалые литературные каноны, писателя, который всегда в поисках, в движении. В этом смысле вполне можно говорить о революционизирующей роли Пушкина в истории русской литературы. Так, например, в «Цыганах» жанр романтической поэмы взрывается изнутри жанром трагедии. Подобные факты в творчестве Пушкина далеко не единичны.

Реалистический метод и исключительная широта охвата действительности, подлинная народность, поражающее многообразие жанров и смелое новаторство — все это черты, бесспорно присущие творениям великого поэта. Однако едва ли не самое замечательное, что нам дано в Пушкине, что обеспечило ему неувядаемую славу «создателя русского литературного языка и родоначальника новой русской литературы», — это никем не превзойденная художественность его произведений.

Весьма примечательна оценка художественных особенностей «Цыган», данная Проспером Мериме, исключительно высоко ценившим и внимательно изучавшим Пушкина, произведения которого он переводил на французский язык:

«Из этой поэмы нельзя выкинуть ни одного стиха и ни одного слова... По моему мнению, “Цыганы” являются самым точным выражением манеры и гения Пушкина. Простота фабулы, умелый подбор деталей, чудесная сдержанность исполнения. Французский язык не обладает возможностью передачи сжатости пушкинского стиха. Образы, данные Пушкиным, всегда полны правды и жизни, скорее намечены, чем развиты до конца, но все это сделано с истинно эллинским вкусом, повелевающим вниманием читателей».

По Л. Шейнкерману